

А.В. Сушко

Особенности бурято-русских межэтнических конфликтов на почве землепользования в годы революции и Гражданской войны в Сибири

Ключевые слова: национальный вопрос, национализм, Бурятия, буряты, Бурнацком, межэтнические конфликты, борьба за землю, революция, Гражданская война.

Key words: national question, nationalism, Buryatia, Buryats, BurNatsCom (Buryat National Committee), interethnic conflicts, struggle for land, revolution, Civil war.

Земельный вопрос стал одной из главных причин революции и Гражданской войны в России. Для большинства бурят-монголов (в то время так назывались современные буряты) бывшей Российской империи революция вселила надежду на обеспечение сохранности занимаемого ими земельного фонда от захватов русскими крестьянами и по возможности на возвращение части земель, уже занятых русскими в период Столыпинской земельной реформы.

Исследователи традиционно обращают внимание на деятельность бурятской интеллигенции по созданию национальной автономии и неоправданно мало внимания уделяют их деятельности по защите земельных интересов бурят. В работах историков до сих пор практически не показана взаимозависимость этих двух главных аспектов деятельности бурятских националистов в годы революции и Гражданской войны. Цель данной работы – исследовать особенности и значение бурято-русских межэтнических конфликтов на почве землепользования оказавших влияние на развития бурят-монгольского национализма.

Националистически ориентированная бурят-монгольская интеллигенция, с восторгом встретившая падение самодержавия, от новой общероссийской власти рассчитывала добиться участия в управлении своим народом путем создания автономных органов национального самоуправления. На многочисленных съездах, проходивших в течение 1917 г., националисты, зная о том, что защита земельных интересов является главной потребностью своего народа, параллельно с требованиями о признании органов самоуправления бурят выдвигали требования по урегулированию земельного вопроса. Единое националистическое движение забайкальских и иркутских бурят-монголов организационно оформилось на общенациональном съезде, проходившем с 23 по 25 апреля 1917 г. в Чите под председательством Э.-Д. Ринчино. По докладу М.Н. Богданова съезд утвердил проект бурят-монгольской национальной автономии, основной территориальной единицей которого являлась обособленная земельная единица

(сомон). Сомоны объединяясь с соседними землями, назывались хошуны, а хошуны, в свою очередь, образовывали аймак. По земельному вопросу съезд высказался «за необходимость возвращения всех земель, находившихся в фактическом пользовании бурят до землеустройства» [1].

Земельный вопрос стал одним из основных вопросов в деятельности Бурятского национального комитета (Бурнацкома). Уже 12 июня 1917 г. Иркутский отдел Бурнацкома отмечал трения на местах между бурятским и русским населением [2, с. 32]. Примерно в это же время Бурнацком отправил в адрес Комитета общественной безопасности в Чите и губернского комиссара телеграмму: «Всюду наблюдается, что, чем уступчивее буряты и тунгусы, тем назойливее, непримиримее и неприемлемее становятся требования крестьян. В обострении русско-бурятских взаимоотношений сыграли роль дезертиры – солдаты, вернувшиеся с фронта из местных гарнизонов. Они большей частью являются подстрекателями и вожаками захватов и громогласно заявляют, что когда с фронта вернутся остальные местные солдаты, то они совсем покончат с бурятами» [2, с. 31].

Русские крестьяне, нуждающиеся в земле, восприняли революцию 1917 г. как вседозволенность. Прежние моральные и юридические поведенческие ограничения утратили для них свою силу. В этом заключалось их понимание наступившей «воли». Для крестьян было характерно пренебрежительное отношение к инородцам – бурятам, землями которых они дополнительно захотели захватить. Сразу же после революции начались грабежи русскими бурятского населения и незаконный отъем ими у инородцев земель. Следует отметить особенность русско-бурятских земельных конфликтов сохранявшуюся на всем протяжении революции и Гражданской войны в Бурятии. Вина за русско-бурятские земельные конфликты в основном лежала на русских крестьянах. И в этом русско-бурятские земельные конфликты отличались от русско-киргизских (казахских) или русско-алтайских земельных конфликтов, где часто агрессивные действия были обоюдными.

Победа Октябрьской революции серьезно обострила бурято-русские земельные противоречия из-за возвращения с фронта распропагандированной большевиками, потерявшей всякие представления о морали и законности солдатской массы. Фронтвики разогнали земские органы власти, оставшиеся от

Временного правительства, и быстро стали играть ведущие роли в местных Советах. Первый период существования советской власти в Восточной Сибири станет наиболее тяжелым для бурятской массы во взаимоотношениях с крестьянами. Как писал бурятский историк Б.Б. Батуев, «...В условиях Бурятии национально-освободительное движение проходило в сложной обстановке. 23 января 1918 г. Верхнеудинский совет взял власть в Верхнеудинском районе, а проходивший 6 марта 1918 г. Съезд Советов, в работе которого участвовали представители 30 из 44 волостей и городов Верхнеудинского и бывшего Селенгинского уездов с русским населением, признал себя «съездом русского населения Верхнеудинского района» [3, с. 126]. Русское население, обособившись от бурят, приступило к планомерному отъему у них земель под советским флагом. Называя себя большевиками, часто не имея с ними ничего общего, фронтовики начали проводить не просто отдельные хаотичные грабежи бурят, а целенаправленное выживание с их собственных земель.

После того как советская власть стала властью общероссийской и общесибирской, у националистов не было альтернативы сотрудничеству с большевиками. Абсолютно прав Б.Б. Батуев, писавший: «Большевики Забайкалья, являвшиеся руководителями Советов, до этого в течение длительного периода находились в объединенной социал-демократической организации вместе с меньшевиками и не имели достаточно твердой и последовательной позиции по национальному вопросу» [3, с. 137]. Являясь реалистами в политике, бурятские националисты добились от советской власти наиболее приемлемой для себя формы сотрудничества: их органы были признаны большевиками как советские при фактическом невмешательстве со стороны большевиков во внутренние дела бурятского самоуправления. Такая форма сотрудничества давала бурятским националистам права на законных основаниях защищать земельные и имущественные интересы простых бурят.

Первыми от советской власти добились признания иркутские буряты. 25 апреля 1918 г. начался их очередной съезд. Подавляющее большинство участников съезда в первую очередь было ориентировано на национализм. Съезд объявил Бурнацком верховным органом союза бурятских аймаков и поручил ему отработать форму делового сотрудничества с местной советской властью на условиях взаимного признания. Съезд принял решение о формировании вооруженных бурятских национальных отрядов «Улан-Сагда» (Красные отряды), которые В.А. Демидов охарактеризовал как «полицейские карательные отряды» [4, с. 141]. С этой характеристикой мы не можем согласиться. Решение о формировании этих отрядов было продиктовано массовыми земельными захватами и грабежами со стороны русского населения, часто

санкционированными местными Советами. Националисты, не сумев опереться на бурятские формирования атамана Г.М. Семенова и бурят-казаков фронтовиков, приняли решение о формировании отрядов «Улан-Сагда» для защиты земельных и имущественных интересов бурят и органов аймачного управления. Следует отметить, что курс на формирование национальных бурятских военных отрядов был общим для иркутских и забайкальских бурят. Он отразился и в решениях Центрального национального комитета. На заседании 29 мая 1918 г. Бурнацком объявил частичную мобилизацию бурят Агинского, Баргузинского, Селенгинского и Хоринского аймаков в отряды «Улан-Сагда», возложив верховное командование на Э.-Д. Ринчино. Это решение мотивировалось тем, что «на территории бурят-монголов по всем многочисленным заявлениям и жалобам, поступающим почти ежедневно из аймаков, все время усиливаются разбойные нападения, грабежи и насилия злонамеренных шаек, выдающих себя с провокационными целями за большевиков» [5, л. 37]. Члены Центробурнацкома, еще не прочувствовавшие близкое падение советской власти, постарались завуалировать свое стремление получить собственную вооруженную силу интересами советского строительства, указав, что «областной Советской власти необходимо в срочном порядке принимать меры к обеспечению спокойствия и революционного порядка в тылу действующей армии – по всей области – в частности же, Центробурнацкому в пределах своих аймаков при содействии местной областной Советской власти» [5, л. 37]. «Улан-Сагда» – не полицейские карательные образования, а отряды самообороны. Их создание было продиктовано революционным хаосом и начинавшейся Гражданской войной. Бурятским националистам в таких условиях требовалась вооруженная сила для защиты бурятских земель и органов аймачного самоуправления.

Буряты закономерно обвиняли русское население в большевизме. Хотя в действительности в большинстве случаев это был не большевизм как политика партии, санкционированная ее руководством, а бытовая межэтническая неприязнь, граничившая с бандитизмом. Например, Агинская бурятская аймачная дума докладывала в Бурнацком, что «жители села Дулдурги отбирают самочинно у бурят Табтанайского сомона скот, который массово угоняют в свои деревни, причем выяснено, что они заявляют себя большевиками, но никаких документов о себе, а равно о праве на реквизицию не представляли. Этот сомон поголовно бежал в ближайшие более или менее благополучные места» [6, л. 37]. Там, где под советским флагом русские крестьяне грабили бурят, антибольшевистский настрой бурят был закономерен. Подконтрольная атаману Г.М. Семенову газета «Русский Восток» писала, что «в период борьбы атамана Семенова с большевистскими шайками буряты неизменно помогали

“семеновцам”, и забайкальские комиссары только разводили руками, созерцая бурятскую неподатливость Советской власти». Газета отмечала заслуги бурят в деле воссоздания русской государственности и призывала «отнестись с полным доверием к бурятской народности» [7].

Падение советской власти в Восточной Сибири принесло дополнительную трудность в деятельность бурятских националистов. Бурято-русские земельные конфликты, оставаясь прежними по содержанию, приобрели новую политическую окраску. Русское крестьянство, настроенное большей частью анархически, прикрывавшееся ранее советскими лозунгами для грабежа бурят, в новых политических условиях продолжало насилия над бурятским населением под лозунгами борьбы с большевизмом. В этом отношении признание большевиками аймаков советскими органами давало основание для подобных обвинений. По словам Э.-Д. Ринчино, «приспособившиеся до этого к большевикам консервативные, а то и просто черносотенные крестьяне-староверы (так называемые семейские) прогоняли бурят с их земель, жестоко разоряли их, устраивали форменные погромы, истребляли бурят даже физически. Теперь после ухода большевиков семейские продолжали свои выступления против бурят, проделывая это под флагом уже белых» [8, с. 226].

Для того чтобы оценить последствие грабежей бурятского населения для простого человека и роль Народной Думы как последней инстанции в жизни бурят, приведем выдержку из Прошения в Читинскую народную думу гражданина Верхне-Тургинского сомона Цугольского хошуна Доржи Шадапова: «В мае 1918 г. большевистская волна докатилась и до нашего улуса, пострадал и я – похищено у меня этими разбойничьими шайками 18 голов рогатого скота, из них 4 головы с телятами и много домашнего имущества, а главное юрта, остались лишь у меня одна корова с теленком. В данное время я остался без всяких средств в жизни, ибо работать на стороне как старику не под силу, семья тоже негодная, при такой дороговизне жизнь стала невозможная, теперь, не зная, как выйти из такого критического положения, ввиду таких обстоятельств, я решил обратиться с покорнейшей просьбой в Думу об отпуске какого либо денежного пособия для поддержания приведенного в негодность моего хозяйства. О последующем льщу себя надеждой, что честное правительство наше откликнется на мой голос и не заставит умереть, может быть с голода» [9, л. 175].

Из аймаков постоянно поступали сообщения о продолжавшихся захватах бурятских земель. Так, Хоринская дума 18 апреля 1919 г. телеграфировала управляющему областью и Бурнацдуме: «В минувшее лето во времена Советской власти крестьяне новообразованного селения, самовольно поселив-

шиеся на земли бурят Среднекиженгинского сомона Хальбинского хошуна, теперь прибывают вновь, увеличивают постройки и захват. Просим распоряжения о выдворении крестьян-захватчиков из коренных бурятских земель. Восстановить порядок необходима вооруженная сила, ибо крестьяне анархически настроены» [10, л. 20]. Противостояние бурят и крестьян обострилось до предела. Буряты повсеместно требовали вооруженной поддержки со стороны власти и готовились сами с оружием в руках решать земельный вопрос. Как правило, для того, чтобы получить поддержку от белогвардейцев, они, со своей стороны, обвиняли местных крестьян в большевизме. Так, 29 марта 1919 г. из Агинского аймака сообщали в Народную думу о банде большевиков, продолжавшей грабить и убивать бурят, и просили ходатайствовать перед правительственными учреждениями об отмене распоряжения об изъятии у бурят имеющегося оружия [9, л. 7]. Несмотря на то, что начальник Первого военного района Забайкальской области в ответ на соответствующее ходатайство Народной думы «полагал бы оставить бурятам оружие под ответственность сельских властей», генерал-майор Бакшеев принял решение, что распоряжение управляющего областью отмене не подлежит еще потому, что буряты, имея оружие, намерены впоследствии при помощи его разрешить земельный вопрос, а в настоящее время уклоняются от призыва» [9, л. 4, 5].

С поражением армий А.В. Колчака и Г.М. Семенова в Забайкалье земельный вопрос продолжал питать бурято-русский межэтнический антагонизм. От успешного разрешения земельного конфликта зависели поддержка бурятской массой деятельности националистов и органов государственной власти в целом. Э.-Д. Ринчино в докладе «Инородческий вопрос в Сибири» указывал, что в Забайкалье по-прежнему грабежи, налеты и погромы со стороны крестьянского населения на бурят-монголов: «недавно в Батанай-Харганском хошуне (волости) был разгромлен целый улус и причем все население улуса до малых детей включительно, было зверски перебито; в соседнем Гочитском хошуне крестьянский отряд разгромил Хошунный ревком и произвел избиение и насилие над окрестным населением» [11, с. 82]. Он просил центральную и сибирскую власти энергично вмешаться в крестьянско-инородческие отношения, требуя «изъятия из компетенции местных учреждений и органов (губернских и областных) вопросов и дел, касающихся инородческих земель в смысле их полного отчуждения и национального самоопределения инородческих народов Сибири и взятия всех этих дел в ведение центральной власти, обнародовав сие особым актом» [11, с. 87]. Ринчино указывал на антисоветские выступления сибирских крестьян, что это есть «определенно массовое явление, имеющее

своим основанием недостаток революционного самосознания и патриотизма крестьянских масс и в узком их политико-государственном мировоззрении. Следовательно, эти мероприятия (указанные выше. – А.С.) дадут правительству широкую и вполне честную массовую базу в лице сибирских инородческих народностей, которые, объединившись с сибирским пролетариатом, советской интеллигенцией и лучшими элементами крестьян, могут дать сильную опорную базу Советской власти» [11, с. 84].

В Иркутской губернии органами советской власти порядок в бурято-русских земельных отношениях был наведен достаточно быстро. Грабежи, чинимые подразделениями красноармейцев, который власти при помощи репрессивных мер по отношению к грабителям также постепенно ликвидировали. В Дальневосточной республике (ДВР) же земельный вопрос еще долго определял бурято-русский межэтнический антагонизм. Как сообщала газета «Советская Сибирь», «недоразумения происходили, главным образом, с переселенческим населением. В ДВР антагонизм между бурятами и старожилами доходил до того, что организованные старожилы сделали набег и истребили целый бурятский улус» [12].

В Забайкалье особенно тяжелым было положение Чикойского хошуна Селенгинского аймака. В этой местности остро стоял земельный вопрос, поэтому русские крестьяне вели себя в отношении бурят особенно агрессивно. Аймак оказался в Советской России, а его сородичи из Чикойского хошуна – в пределах территории ДВР – в Хоринском аймаке. На втором съезде трудового бурятского населения Селенгинского аймака, проходившем с 13 по 21 июля 1920 г., вопрос о Чикойском хошуне и бурято-русских земельных конфликтах был одним из главных. В работе съезда приняли участие сородичи из Чикойского хошуна. В начале своей работы съезд заслушал доклад представителя хошуна, который, «обрисовывая положение хошуна со дня революции, указывает на расстрел 69 мирных граждан Ацинского сомона отрядом Попова без суда и следствия, на грабежи, проводимые соседним крестьянским населением, и, что население хошуна опасаясь в будущем такого положения, эмигрирует в Монголию» [13, л. 12]. Еще 4 мая 1920 г. Селенгинский аймачный ревком направил в Иркутск в адрес губревкома и на имя Ринчино телеграммы с информацией о погромах в Чикойском хошуне, с просьбой «ввиду дезорганизации Чикойского хошуна насилиями и оторванности руководящего центра, настоятельно просим присоединения его к Селенгинскому аймаку» [11, с. 83]. Просьба в Иркутске не была услышана. Поэтому съезд бурят Селенгинского аймака принял решение послать телеграмму правительству Дальневосточной республики: «По достоверным сведениям, крестьяне-старообрядцы селения Окино, Ключи и других соседних селений Троецславского

уезда начали восстания и до сего времени производят грабежи мирного бурято-монгольского населения Чикойского хошуна. Причем убийства и грабежи носят систематический характер, имеют цель – захват земель хошуна. Захваты эти ныне производятся усиленным темпом. Хошунное население в панике скрывается в пределах Монголии и соседних районах. Съезд Советов самым решительным образом протестует против разбойно-предательских выступлений крестьян, настойчиво просит правительство Дальневосточной республики на назначение срочного следствия и посылки регулярной воинской части для охраны населения и возвращения награбленного и захваченного» [13, л. 18]. Отъем земли у бурят и грабежи на территории ДВР вызывали сочувствие у бурят, живших в Советской России, и провоцировали усиления чувства национального единства всех бурят.

Признание органов бурятского национального самоуправления коммунистами способствовало прекращению Гражданской войны и наведению порядка на территории бурятских аймаков. Окончание Гражданской войны на Дальнем Востоке, увенчавшееся ликвидацией буферного государства ДВР, привело к созданию национально-территориальной автономий всех бурят-монголов в Советской России – Буреспублики, что явилось важнейшим условием прекращения бурято-русских земельных конфликтов. Органы национального самоуправления бурят, ставшие органами государственной власти, наводили порядок в землепользовании и постепенно ликвидировали бурято-русские земельные конфликты.

Таким образом, земельные противоречия между русским и бурятским населением стали важным фактором развития бурят-монгольского национализма в годы революции и Гражданской войны. Во-первых, под их влиянием произошла организация самой схемы автономии бурят – «сомон-хошун-аймак – Временный бурятский национальный комитет». Бурятские аймаки и хошуны не имели сплошной территории, были перемешаны с русскими волостями и уездами, находясь друг от друга на расстоянии десятков и сотен километров. Создание подобной универсальной схемы консолидировало бурят с учетом земельного фактора. Националисты имели возможность сохранять универсальные аймачные структуры применительно к конкретным социально-политическим условиям, впоследствии переименовывая их то в советы, то в земские учреждения, то снова в советы. Во-вторых, земельные русско-бурятские противоречия обеспечили поддержку бурятским населением Бурнацкома и органов местного национального самоуправления. Массовая поддержка бурятским населением националистов обеспечивалась защитой ими интересов бурят в области землепользования и способствовала формированию бурятской нации в границах Буреспублики.

Библиографический список

1. Сибирь. – 1917. – 14 апр.
2. Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. : документы и материалы / сост. и науч. ред. Б.Б. Батуев. – Улан Удэ, 1994.
3. Батуев Б.Б. Борьба за власть Советов в Бурятии / Б.Б. Батуев. – Улан Удэ, 1977.
4. Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1922 гг. / В.А. Демидов. – 2-е изд., доп. – Новосибирск, 1983.
5. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). – Ф. Р-483. – Оп. 1. – Д. 18.
6. НАРБ. – Ф. Р-483. – Оп. 1. – Д. 43.
7. Русский Восток. – 1918. – 26 окт.
8. Э.-Д. Ринчино о Монголии. Избранные труды. – Улан-Удэ, 1998.
9. НАРБ. – Ф. Р-305. – Оп. 1. – Д. 39.
10. НАРБ. – Ф. Р-305. – Оп. 1. – Д. 25.
11. Э.-Д. Ринчино. Документы, статьи, письма. – Улан-Удэ, 1994.
12. Советская Сибирь. – 1921. – 10 апр.
13. Государственный архив Иркутской области. – Ф. Р-42. – Оп. 1. – Д. 358.